

A close-up portrait of a man with short dark hair, wearing a blue denim shirt and a black tie. He has a serious expression and is looking slightly to the right of the camera. His hands are clasped in front of him, and a watch is visible on his left wrist. A dark jacket is draped over his shoulders.

**ИГОРЬ
ВЕРНИК**

**БРОШЕННЫЕ
ТЕКСТЫ**

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ

ЗАПИСКИ

ДНЕВНИКИ

СТИХИ

Игорь Эмильевич Верник
Брошенные тексты.
Автобиографические записки
Серия «Судьба актера. Золотой фонд»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64502633

*Брошенные тексты. Автобиографические записки/ Верник И. Э.: АСТ;
Москва; 2021*

ISBN 978-5-17-112458-8

Аннотация

Игорь Верник – российский актер театра и кино, народный артист РФ, теле- и радиоведущий, актер Московского Художественного театра им. Чехова. В его книгу вошли стихи и дневниковые записи разных лет. Это тексты, открывающие читателю порой неожиданные грани творческой, человеческой природы актера. Тексты, брошенные как вызов самому себе – как попытка явить миру свое естество, на что, конечно, осмелится не каждый.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	5
Бедно живем – богато кашляем...	9
Лирические знакомства	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Игорь Верник
Брошенные тексты.
Автобиографические
записки

Посвящается моим родителям

Предисловие

Как случилась эта книга? В школьные годы, когда душа моя рвалась наружу, не зная, что с этим делать, я хватался за шариковую ручку и в школьную тетрадь неровным почерком записывал свои неровные впечатления. Бросал это, забывал, возвращался. В студенческие годы, на коленке, на театральных программках, на клочках бумаги я писал стихи. Терял эти страницы, находил, снова терял. Позже завел общую тетрадь, дал себе слово последовательно фиксировать происходящее, и делал это совершенно непоследовательно. Когда продолжением руки стала не ручка, а телефон, в нем начали множиться наброски и стихи, впечатления. Оказалось, что гаджеты имеют свойство разбиваться, теряться, глючить. И несколько раз с ужасом я понимал, что вместе с куском металла и сотней микросхем только что лишился какой-то части себя. Отчаянно пытался выудить хоть что-то, ругал себя последними словами за то, что не сохранял все это в каком-то там облаке. Но облако оставалось невинно-чистым, воздушным, не отягощенным ни одним моим словом.

И все-таки некоторые заброшенные ненадолго или брошенные навсегда тексты каким-то образом собрались вместе. Вообще мне посчастливилось родиться в семье, где все много читали и писали. Деваться было некуда, пришлось заниматься тем же. Как у душевнобольного случаются присту-

пы ярости или нежности, так и у меня бывают периоды, когда набрасываюсь на написание стихов, а потом так же внезапно бросаю это занятие до следующего обострения. Потому у этих текстов в большинстве своем нет дат и места рождения. Они, как случайные связи, дорожные романы, мимолетные влюбленности, вспыхивают и угасают.

Когда мы с братом Вадиком играли в детстве, он любил собирать, а я – разбирать и ломать. Есть люди, которым нравится складывать вещи в чемодан, мне проще выкладывать... Так и с текстами, написал – и все. А править, вычесывать, вылизывать у меня шерсть дыбом встает. Так что эти 400 страниц – пространство, где не нужно никем казаться, пространство, где я такой, какой есть.

И еще. Я поздравляю тех, кто держит сейчас в руках эту книгу. Она обладает сразу несколькими поразительными свойствами (это проверено на самом авторе). Известно, что миллионы нейронов – основа нашей нервной системы. Говорят, если всю нейронную сеть, состоящую из тончайших ниточек, вытянуть в одну, можно 68 раз облететь вокруг Земли или 7 раз долететь до Луны и вернуться обратно. Так вот, открыв эту книгу на любой странице, вы избавляете себя от всякой необходимости путешествовать, а значит, сталкиваться с трудностями оформления визы, бронирования билета, паковки багажа, мучительного перелета, прививок от малярии и прочее, и прочее.

Вы однозначно восстановите не одну сотню нервных кле-

ток, точнее клеточных организмов, поскольку используемая здесь сплетенная, смежная и перекрестная система рифмовки не только восстановит старые, но и сформирует новые нейронные связи.

Благодаря особому сочетанию гласных и согласных при чтении вслух гарантирован всплеск тестостерона в крови и, как следствие, увеличение сексуального влечения у мужчин и женщин. В этом смысле идеально читать книгу вдвоем. Более того, приблизительно на 112–115 страницах, у вас значительно повысится чувствительность эрогенных зон и даже, возможно, добавится несколько новых.

Читать лучше сидя или лежа на спине, при этом угол чтения не должен превышать шестидесяти градусов. Вес книги рассчитан так, что при данном положении он воздействует на состояние опорно-двигательной системы, регулирует обмен веществ.

Эта книга положительно влияет на продолжительность и качество сна, если читать ее на ночь, и дает мощный заряд бодрости, если читать с утра. Очевиден и омолаживающий эффект текста – кожа чутко отреагирует, разгладится, увлажнится. С погружением в материал эффект будет только нарастать. Заметно меняется состояние волос, они становятся мягкими и шелковистыми.

Литераторы, ученые и медицинские работники, которые уже ознакомились с материалом, настоятельно рекомендуют, закончив чтение, немедленно начать читать заново. При

этом лучше приобрести второй экземпляр, а не перечитывать старый. Наблюдается прекрасный побочный эффект – возможность избавиться от громоздких библиотек, поскольку эта книга станет вашим единственным спутником на все случаи жизни.

И последнее. Используемая мной длина строки, то короткая, то длинная – и порой кажущееся отсутствие рифмы приводят к уникальному эффекту синтетического моделирования в организме читателя пяти гормонов, таких как дофамин, серотонин, адреналин, эндорфин и окситоцин. Отмечено, что после выхода книги в свет резко увеличилось число подачи заявлений в загс, особенно в Кунцевском районе Москвы. В Северодвинском автономном округе эти цифры достигли самых высоких показателей за последние 50 лет. Ожидается сильнейшее увеличение уровня рождаемости на всей территории России. Впрочем, до тех пор, пока вы не убедитесь во всем этом сами, это просто слова.

Приятного чтения.

Игорь Верник

Бедно живем – богато кашляем...

Зима, идет снег. На уличном градуснике в белой пластмассовой оправе минус 15. Папа с мамой в детской комнате заделывают щель между окнами. Из нее нещадно дует. Мама с треском разрывает бумагу и от большого белого рулона ваты с усилием отрывает крупные куски. Они тянутся, как борода старика Хоттабыча, наконец, отделяются и мама передает их папе. «Трах-тибидох», – мысленно произношу я, но чуда не происходит, окно все так же постанывает от ветра и пропускает холодный воздух. Папа стоит на подоконнике, полусогнувшись, чтобы не удариться головой о потолок. На нем синяя клетчатая рубашка, очки в коричневой оправе и нож в руке. Волосы на голове всклокочены, в глазах воспаленная решимость, он похож на маньяка и на Дон Кихота одновременно. Вот он поднимает нож, я зажмуриваю глаза, рисуя в голове ужасную картину. Когда открываю их, вижу, что папа тщательно заправляет лезвием ножа куски ваты в щель. Вслед за тем аккуратно наклеивает полоску бумаги. Клей желтый, и пока высыхает, нагло просачивается сквозь белую бумагу. Вечером я смотрю на окно и мне кажется, что это рана, располозовавшая надвое огромную физиономию.

Лето. Мы на даче. Папа по дикому блату где-то купил картофелечистку. Это пластмассовая круглая емкость с пластиковой ручкой и наждачной поверхностью внутри. Мама,

свято верящая во все заморское, восторженно объявила, что картошку теперь будем чистить только так. Поэтому мы с братьями теперь по очереди моем ее, кидаем по 5–6 штук в круглый агрегат, закрываем крышку и, крутя ручку, заставляем их тереться о шершавую поверхность до тех пор, пока, пенясь в воде, коричневые клубни не сбрасывают, наконец, свою кожуру. Пластикового уroda надо все время придерживать рукой, потому что при каждом обороте ручки, он подсакивает, тархтит и норовит спрыгнуть со стола. Мы ненавидим это изобретение западных специалистов, советских продавцов, извлекших его из-под полы, и картошку, которую теперь приходится есть даже чаще, чем гречку (а ее мы едим практически каждый день). Однажды наши детские мольбы, посылаемые в космос вслед за дворнягой Лайкой, Гагариным и Валентиной Терешковой, неожиданно были услышаны. У картофелечистки сломалась ручка. Она треснула и отлетела. Папа попытался приклеить ее, но после первого же усилия она предательски развалилась. Тогда он метнул на меня испепеляющий взгляд, а мама молча всунула мне в руку нож с красной ручкой. Этот нож с зубчиками на лезвии, привезенный папой из столицы западного мира – Будапешта, также бесконечно почитаем в нашей семье. Конечно, в хозяйстве имелись режущие предметы – перочинные, кухонные с помятым лезвием, короткие, длинные, с деревянной ручкой, с расплавленной ручкой, с рукояткой обтянутой синей изолентой. Но такого изделия, такого красавца и пижона в СССР

не было и быть не могло. И вот однажды два ножика, шесть небьющихся бордовых чашек и блюдец, дубленка с белым воротником для мамы, зеленые вельветовые штаны для Славы и кремовые батники с погонами для нас с Вадиком были извлечены папой из чрева клетчатого чемодана после возвращения его из командировки в Венгрию. С тех пор один нож, забытый мамой на раскаленной сковороде на плите, с оплавленной ручкой и изуродованным лезвием, в слезах был отправлен в мусорное ведро, а другой лег сейчас в мою руку, призывая к унылому труду. Я взял картофелину и начал ее чистить, чувствуя, как в очередной раз на время начинаю превращаться из обезьяны в человека.

Весна. Воскресенье. Мы всей семьей сидим в гостиной за овальным столом, обедаем. Мама рассказывает поучительную историю об умении найти выход из любой ситуации. Это история про мужика, у которого денег было только на батон хлеба. Тогда он пошел на рынок и, проходя мимо большой бочки с медом, будто бы случайно уронил в нее свою буханку. Выругался, достал со словами: «Ну вас с вашим медом, весь хлеб испачкал» и, не слушая извинений ее владельца, довольный, удалился. Всякий раз, когда мама повторяет нам эту историю, она заливается звонким смехом. Папа любит мамой. Мы с братьями примеряем ситуацию на себя. Вадик с недоверием и опаской, Слава с одобрением, я – с нескрываемым энтузиазмом.

Мама часто говорит про нашу большую семью: «Живем

по принципу «спи скорей – подушку надо!». Это когда подушка в доме одна, а народу много и потому все на ней спят по очереди. А когда родители в очередной раз решают, как дотянуть до зарплаты, мама смотрит на мужа синими глазами и говорит: «А все-таки, Миля, хоть на две недели надо будет поехать с детьми в Палангу». «Конечно, Анечка», – отвечает он. «Бедно живем – богато кашляем», – улыбается мама.

В гостиной в трюмо на витых ножках стоит чайный сервиз «Мадонна». Раз в год мама достает чашки и блюда, расписанные сюжетами из жизни пышнотелой красавицы, и ставит на стол. Папа заваривает черный чай, смешивая два сорта – индийский высший и цейлонский первый, и разливает по чашкам янтарного цвета ароматную жидкость. Мама с наслаждением делает первый глоток и рассказывает историю появления этого сервиза. Родители купили его в магазине «Советский фарфор» на Кузнецком Мосту на следующий день после бракосочетания. Сделали себе такой подарок. Привезли его в свою девятиметровую комнату в квартире на улице Герцена, где кроме них проживали еще 12 соседей. Ставить сервиз было некуда и не на что, и потому он долго лежал в коробке. Затем его достали оттуда и поставили на большой широкий подоконник. Там он и стоял за зелеными шторами, роскошный предмет из другой жизни. Стоял и подглядывал за тем, что стало с жилищем, превращенным в коммуналку, словно вспоминал время, когда в этой большой квартире

маленькая счастливая семья собиралась за круглым столом на вечернее чаепитие. За окном в тополиных листьях шумел ветер, звучала музыка. Мама рассказывала это, как сказку, и шла к фортепиано. Открывала черную матовую крышку и с ходу начинала играть, нежно и страстно, радостные и печальные мелодии, как будто вступала в диалог с теми неведомыми жильцами.

Лет в 8–9, в перерывах между школьными домашними заданиями, уроками музыки и сражениями на деревянных шпагах во дворе, я забирался в родительскую спальню, открывал дверцу шкафа и с верхней полки из-за стопки маминих кофт доставал шкатулку. В ней хранились иностранные купюры. Те, что оставались после папиных командировок в Венгрию и ГДР. Они бережно складывались туда, ожидая часа, когда в коричневом потертом портмоне в нагрудном кармане черного кожаного пиджака отправятся обратно на родину. Естественно, при условии, что папа возьмет в поездку этот пиджак и это портмоне. А поскольку других у Эмиля Григорьевича не имелось, то раз за разом в этой комбинации, они и отправлялись в желанное путешествие. Имелось, впрочем, еще одно, все определяющее обстоятельство – решение Гостелерадио СССР о творческом обмене с дружественной страной социалистического лагеря. Осуществить этот обмен и тем самым максимально сблизить два народа можно было с помощью постановки радиоспектакля. Разумеется, только если партбюро утвердит кандидатуру Эмиля

Верника в качестве режиссера этого спектакля. И вот когда все эти «если», как звезды, сходились, папа крепко целовал жену и детей и во имя улучшения советско-венгерских отношений в очередной раз отправлялся в далекую Венгрию, ставить спектакль венгерского автора с венгерскими актерами. Ну и во имя семьи, которая в день его отъезда вожаделенно начинала мечтать о дне, когда он вернется обратно с рассказом о новых впечатлениях и с туго набитым чемоданом. Так вот, однажды я проследил за тем, куда прячут деньги. Теперь чуть ли не каждый день, пока родителей нет дома, я достаю шкатулку, открываю ее и вынимаю разноцветные купюры и на удивление легкие монеты. Сидя на родительской кровати, на голубом шелковом покрывале с вышитым по центру лебедем, я раскладываю их по стопкам, пересчитываю еще и еще, и мне кажется, что в этот момент я владею всем миром. Позже выяснилось, что этих денег едва хватило бы на покупку какого-нибудь маленького металлического подноса. Такого, например, как тот, что висел у нас на стене в кухне. Я очень любил этот красный поднос с изображением коричневого щенка неизвестной породы. Конечно, ни щенок этот, ни предмет, на котором он был изображен, не имели никакой ценности, однако поднос тонким гвоздем был накрепко прибит к стене. И я знаю почему! Этот крашеный кусок металла был знаком приобщения к яркому теплomu миру, который находился где-то далеко, за закрытым железным занавесом. Этот поднос сверкал, словно замочная скважина,

приложив глаз к которой, можно было разглядеть или хотя бы представить себе очертания запретных, неведомых и чудесных стран.

Как-то лет в 13 во время очередного похода за продуктами мы с братом изменили привычный маршрут и вместо того, чтобы свернуть в магазин «Молоко», не сговариваясь, повернули направо – в комиссионный магазин...

Комиссионка. Оказавшись внутри, я захотел остаться там жить. Навсегда. Так Мастер, увидев Маргариту с отвратительным букетом желтых цветов, неожиданно осознал значение слова «счастье». Это была любовь с первого взгляда. Со взгляда же второго, когда ценник ближайшей вещи оказался у меня в руке, стало очевидно, что любовь эта не взаимная. Совершенно. Так бывает, ты открыл свои чувства, в ответ услышал: «Прости, я люблю другого». Мозг, на время перебравшийся жить в сердце, разлетается на тысячи осколков, ты понимаешь – нужно развернуться и уйти. Но нет, стоишь и не можешь пошевелиться, на тебя в упор смотрят холодные чужие глаза, и в них нет сострадания. Не проронив ни слова, мы с братом вышли из комиссионного магазина и вошли в дверь напротив. Положив в авоську несколько треугольных пакетов молока и столько же широкогорлых, запечатанных зеленой фольгой, бутылок ряженки, мы побрели домой. Фабрика одежды «Большевичка» в очередной раз праздновала победу над алчными нахальными заморскими кутюрье.

Мне 11 лет. Папа рассказывает, как Юрий Гагарин через

короткое время после полета, в День космонавтики пришел к ним в редакцию науки и техники. Все выстроились для фото с ним. Так получилось, что папа оказался в центре. Гагарин подошел, пожал ему руку, встал рядом. Папа говорит: «В этот момент я как будто в космос поднялся. Стою и думаю, взлететь-то взлетел, а как возвращаться теперь?» Он смеется, а я в этот момент как-то особенно отчетливо осознаю, сколько легендарных людей он знал. Со сколькими из них работал, дружил. Например, с диктором Юрием Левитаном, голос которого навсегда соединил 4 года Великой Отечественной войны с каждым, кто прошел через это время. А еще в этот момент я думаю о том, что папа родился в 1924 году, всего лишь через семь лет после Октябрьской революции, а сестра его Бэла, моя любимая тетя, в 1918-м, то есть вообще на следующий год. Ленин объявлял в стране НЭП, а ее мама на руках качала. В 1936 году, когда папа учился в школе, ночью пришли в дом и забрали их отца, моего дедушку. Это было начало первой волны сталинских репрессий. А во время войны папа из-за низкого зрения получил белый билет и потому не мог пойти на фронт. С мамой они отправились в эвакуацию в Казахстан, в Усть-Каменогорск, где папе удалось найти работу на складе в свиноводхозе. Затем он был принят в ГИТИС на актерский факультет, перебрался в Москву и в 1943 году организовал творческую бригаду, с которой отправился выступать перед бойцами в расположение Первого Прибалтийского фронта, которым командовал

маршал Баграмян. Маму мою чуть не раздавила толпа, когда пришло известие, что умер Сталин. Все вывалили на улицу, шли тягучим мрачным потоком, пришли на площадь, началась давка и какой-то мужчина из кузова грузовика, увидев, что ее вдавливают в борт, схватил и поднял ее наверх. Все это кажется чем-то бесконечно далеким, а это история моих родных, моей семьи.

Я, Вадик, папа и мама на красной «копейке», «жигулях» первой модели, едем в Военторг. Лето. Салтыковка. Жара. Мама в темно-синих брюках, в батнике в синюю полоску, в голубой косынке, повязанной широкой лентой на голове так, чтобы не разлетались в стороны непокорные кудрявые каштановые волосы. Папа в синей сорочке с закатанными до локтя рукавами, в светло-коричневых брюках и сандалиях, надетых на бежевые носки. Мы с Вадиком в майках-тельняшках, у меня красного цвета, у него синего, в шортах и сандалиях. Поездка в Военторг в субботу – это вроде бы поездка в магазин, но в то же время что-то особенное, из ряда вон выходящее. Салтыковка – это усеянное дубами, соснами, дикой сливой и крапивой местечко в Подмоскovie, где расположен дачный поселок Гостелерадио с 15 двухэтажными зелеными деревянными домиками. Военный городок, в котором обитает этот самый Военторг, находится примерно в 15 минутах отсюда. Естественно, городок охраняется, поскольку там хранится военная тайна, а еще потому, что по улицам там лениво бродят офицерские жены. Все на одно лицо, все

блондинки, все с немислимыми прическами, налаченными до такой степени, что ни один волосок не дрогнет на ветру. И вот их-то, таких исключительных, хранящих какой-то очень важный секрет, все время кто-то норовит украсть. Когда раз в месяц родители собираются поехать в «Военторг» (это слово в такие моменты произносится практически, как Эрмитаж), они делаются одухотворенными и озадаченными одновременно. Нечто подобное я почувствовал много лет спустя, когда первый раз собирался в загс. Мы едем всей семьей, потому что несколько часов этого особенного удовольствия родителям хочется разделить с нами. Там редкие товары, те, что не поступают в обычные магазины: там баклажанная икра в высоких консервных банках, неправдоподобно спелые фрукты и овощи, «синенькие», так папа называет баклажаны. Там докторская колбаса и венгерский сервелат, халва пралиновая и торт шоколадно-вафельный, там яблочный сок в трехлитровых стеклянных банках и много еще чего. Всю дорогу мы едем в тишине, папа сосредоточенно рулит. Изредка мама подает команды: «Эмиль, поворот, Эмиль, держись правее, Эмиль, зеленый свет». Наконец, приближается пост. Въезд в военный городок только по пропускам. Когда автомобиль равняется с будкой, папа сбавляет ход, опускает стекло и поднимает руку в приветствии, всем своим видом как бы говоря: «Привет, свои едут – какие могут быть вопросы! Извини, дорогой, торопимся. Эх, если бы не дела, поболтали бы сейчас по душам. Хороший день, не правда ли?»

И я когда-то воевал...» Вся эта палитра эмоций, как радуга, пробегает по папиному лицу и образуя дугу, вторым своим концом опускается на физиономию постового. Не знающие отдыха и радости глаза солдата слегка озаряются, и он удивленно смотрит на загадочного водителя. Не давая ему времени опомниться, папа начинает слегка давить на педаль газа, меняя выражение лица кардинально. На нем появляется печать особого знания, точнее, задания, выражаясь языком часового. И именно потому, что он все еще видит папу, оно, это выражение, как бы транслирует ему: «Старина, очень все серьезно, надо спешить...» Впрочем, в военном городке подобная таинственность на лице не удивительна и встречается даже у продавцов. Струйка пота стекает у папы по спине, это видим только мы с Вадиком, поскольку сидим, не моргая, сзади. Справа от водителя, величественно и невозмутимо, восседает мама. И этот проезд, на красных, как знамя на здании Военторга, «жигулях», сравним разве что с маршальским объездом войск на параде на Красной площади по случаю празднования Дня Победы. И даже если постовой в какой-то момент спохватывается и в его голове, как ребенок в муках, рождается мысль: «А кто, собственно, это такой и где пропуск?», сомнения эти растворяются при взгляде на пластинку, лежащую под задним стеклом автомобиля. Папа резко переключает скорость с первой на вторую, затем почти сразу на третью, и машина скрывается за поворотом. Мама заливается смехом и целует Милю так, что помада остается у

него на щеке, и она тут же стирает ее ладонью. Папа приподнимает бровь, широко улыбается, на секунду оборачивается на нас с братом и произносит свое коронное: «Шас на шасти разорву вас» и добавляет: «От шастья»...

О пластинке. Той, что ярким пятном лежит в автомобиле. Никто никогда не слушал ее. Даже не распечатывал конверт. Но эффект ее присутствия был сногшибательным. Дело в том, что в ноябре 1972 года нашей доблестной милиции исполнялось 55 лет, и высшим руководством студии грамзаписи «Мелодия», было принято решение к чудесному юбилею выпустить цикл аж из 10 пластинок, посвященных праведному труду стражей порядка. Осуществить эту архиважную задачу было поручено режиссеру Эмилю Вернику. Получив задание, папа бросился выполнять его. После ужина, в гостиной, при закрытых дверях было проведено короткое совещание с мамой и отобраны актеры на главные роли. Назавтра лучшие силы актерского сообщества под чутким режиссерским оком, точнее, ухом Эмиля Верника принялись разыгрывать сцены борьбы честных милиционеров за счастливое будущее советских граждан. Наконец, через неделю в большую студию, где, не зная отдыха и сна, трудились народные и заслуженные артисты, вошел папа и взволнованно произнес: «Стоп, запись окончена». И вот в один ясный, но тревожный день, сверкая погонями и стеклами в роговых оправках, собралось высокое милицейское начальство прослушать готовый материал. Послушали. Закурили. Задумались. Проби-

раясь сквозь тяжелые взгляды и густой дым от сигарет, папа подошел к самому главному из начальников. Тот медленно поднял на него глаза, встал, крепко пожал протянутую руку, и вдруг прижал папину голову к своей груди: «Спасибо, сынок». Папа растроганно произнес: «На здоровье, отец!» Не вслух, про себя. Пластинка была принята на ура.

Через месяц, когда за окном завывала снежная метель, папа внес в квартиру комплект из 10 пластинок в толстенных картонных конвертах. Я представил себе длинную очередь советских женщин и мужчин, растянувшуюся на многие километры вдоль Калининского проспекта. Переминаясь с ноги на ногу, закутанные в шали и шарфы, пряча лица от ветра в поднятые заячьи и каракулевые воротники, они шаг за шагом упорно приближались к дверям магазина «Мелодия». Там ждал их альбом «Милиция СССР». Если бы знали в милиции, какую роль будет играть эта пластинка в судьбе автомобилиста Эмиля Верника! Происходило это так: не в силах разобраться в хитросплетениях дорожных знаков и разметок, папа разворачивался в неполюженном месте или выезжал на встречную полосу. В ту же секунду свисток гаишника настигал его уши, словно удесяттеренный эхом гигантских динамиков. В студии на улице Качалова, где режиссер Верник записывал актеров, стояли огромные колонки. Они передавали малейшие ньюансы голоса, дыхания, тончайшие вибрации души, пропущенные через звук. У микрофона ворожили Смоктуновский и Ефремов, Табаков и Плятт, Тара-

сова, Марецкая, Гафт, Неелова, Доронина, Ульянов, Миرونнов, Богатырев, а Верник мастерски и филигранно управлял процессом. Здесь ему не было равных. Юрий Яковлев говорил ему: «Эмиль, на радио вы для меня Станиславский и Вахтангов в одном лице!» Но на дороге все было иначе. За рулем Эмиль с завидным постоянством лицо свое терял. Услышав свисток, он обреченно тормозил, судорожно рылся в бардачке, натыкался на мамину помаду, коричневый чехол с солнцезащитными очками, фонарик. Наконец, найдя документы, первым выскакивал навстречу судьбе в виде неумолимо надвигающегося на него гаишника. «Нарушаем», – с известной подлой интонацией произносил тот. В ответ Эмиль с жаром бросался объяснять, что то, что произошло, – это ему непостижимо. Что полоса эта двойная выросла совершенно неожиданно и буквально из ниоткуда. Что случилось с ним это впервые и больше, уж конечно, никогда, слышите, никогда не повторится. Холодные глаза стража порядка смотрели не мигая, оставаясь безучастными к горю маленького человека с большим лбом и соразмерными проблемами. Тогда папа предпринимал последнюю попытку.

Всем своим видом как бы говоря: «Ну что ж, видит милиция, я откладывал это, как мог», он открывал заднюю дверь автомобиля. Гаишник слегка менялся в лице и подавался вперед, выдавая естественное желание узреть в руках нарушителя знакомую емкость с сорокаградусным содержимым. Но тот доставал пластинку. В глазах хранителя порядка по-

являлась растерянность. Но лишь на мгновение. Со словами «Вот взгляните, я уже говорил вам, что моя профессия – режиссер» папа подносил к лицу его большой красный конверт с золотыми буквами «Милиция СССР». При этом указательный палец его оказывался напротив фамилии самого главного из всех милиционеров. Затем тот же палец начал движение и останавливался напротив фамилии Верник. Соседство это действовало на представителя органов оглушительно. Степень близости генерала с этим, теперь он видел это совершенно отчетливо, необычайно симпатичным человеком была настолько очевидна, что гаишник торопливо произносил: «Спасибо вам». Он повторял это несколько раз, сам не понимая, почему и за что благодарит. Наконец, отдав честь быстрее, чем предполагает сам жест, он отпускал папу без всякого штрафа. Перемена происходила и с папой. Понимая, что штрафа не будет, он вдруг испытывал прилив необычайной нежности к этому растерянному человеку. Взволнованно он протягивал ему драгоценную пластинку, предлагая оставить себе на память. В ответ слышал испуганное: «Да что вы, никак нет, я не могу...» – «Но вы должны», – настаивал папа. В десяти случаях из десяти спор как-то сам собой съезжал в область крепких рукопожатий, затем объятий, затем папиной коронной фразы: «Мы должны обязательно увидеться как-нибудь», и наконец, растроганный до глубины души, Эмиль клал пластинку обратно, быстро садился в машину и уезжал. В зеркале заднего вида какое-то

время еще видно было, как машет жезлом очарованный милиционер, а затем он скрывался из виду и из папиной памяти.

Таких очарованных было много. Запомнить их всех было практически невозможно. И уж точно нельзя было запомнить их имена. Да папа и не старался. На этот случай у него был трюк. Опережая собеседника, он первый бросался к нему с отчетливо неотчетливым: «Здравствуй,

Мммммчка!» Это могли быть Олечка, Галечка, Танечка, но так же точно и Колечка, Вовочка, Мишечка. Кто угодно.

Очарованные были везде. На рынке. В булочной. В парикмахерской. В ЖЭКе, в сберкассе, в столовой. Если же по какой-то дикой случайности в том месте, куда заносила Эмиля нелегкая судьба кормильца многодетной семьи, таковых не имелось – они мгновенно и с неизменным успехом появлялись. Папа расплывался в улыбке, настолько обескураживающей своей искренностью, а затем обращался к совершенно незнакомому человеку с такими нотами тепла в голосе: «Мммммчка, тут такое дело, нужна ваша помощь», что этому теперь уже знакомому незнакомцу ничего другого не оставалось, как немедленно, здесь же отдать. Отдать все, что имеется, и даже больше. Иной раз, когда такой вот очарованный говорил папе: «Я сделал для вас то, что даже для родственника не смог бы сделать», он и сам не мог себе объяснить, почему поступил так. Но по-другому не мог.

Мама называла это папино умение, вернее, свойство на-

туры, эффектом «как вам идут ваши фальшивые локоны». Этот сомнительный комплимент однажды произнес ее дядя, Макс, человек прямолинейный, но с юмором. Женщина пришла к нему на свидание в парике и тут же услышала эту фразу. Пассия растерялась настолько, что в тот же вечер отдалась ему вместе с «фальшивыми локонами», слегка съехавшими набок во время перехода в горизонтальное положение. Так же самозабвенно объяснялся в любви мммчке и Эмиль, пока товар был «под прилавком». Папа окончил актерский факультет ГИТИСа, и из него должен был получиться превосходный актер. Но он выбрал режиссуру, а актерский свой талант щедро реализовывал в декорациях жизни, расширив размер театральной сцены до городских масштабов.

Однажды к папе подошел коллега, имеющий прямой выход на руководство Гостелерадио, и сказал, что ему доподлинно известно, что через месяц будут распределять квоты на автомобили для руководящего состава. На самом деле приобрести машину было не так уж и сложно, даже очень легко было ее приобрести, если живешь, к примеру, в Британии. А если в СССР, то нет. Не было машин в магазине. И магазинов таких не было. Была очередь на запись в очередь на покупку автомобиля. В очередь эту вставали людьми средних лет, а выходили из нее глубоко пожилыми, так и не дождавшись желанной цели. Так вот, папа на тот момент уже был главным режиссером Литдрамвещания Всесоюзного радио и номинально имел шанс претендовать на место в спис-

ке. Еле дождавшись вечера, он примчался домой и в прихожей, не раздеваясь, рассказал маме об этом разговоре. Слово в слово. Лишь добавив от себя, на каком этаже состоялась беседа, кто проходил мимо и какую булочку он доедал, выйдя из столовой, где и столкнулся с этим человеком. Рядом с входной дверью стоял табурет с голубым сиденьем из кожзаменителя. Мама медленно села на него и пару минут ничего не говорила. За стеной открылись двери лифта, кто-то вышел, сделал несколько шагов, вставил ключ в замочную скважину, хлопнул дверью. Одновременно закрылась кабина лифта, и он с характерным звуком поехал вниз. Слышимость в доме была такая, что, казалось, это задыхается от кашля очень пожилой человек. Каждый раз, когда лифт возобновлял свое движение, странно было слышать, что человек этот все еще жив. Мама молчала. Папа в кожаном черном пальто и с дипломатом в руке сел напротив на такой же табурет, только с сиденьем из красного кожзаменителя. Наконец, мама сказала: «Пошли» – и удалилась на кухню. Через несколько минут туда зашел папа. Дверь за ними закрылась. Поскольку дверь эта практически целиком состояла из матового желтого стекла с небольшой трещиной посередине, то сквозь нее я услышал, как засвистел на газовой плите чайник и тут же стих. Затем щелкнула клавиша на радиоприемнике, оборвав голос диктора. Мама подняла сковородку, перевернула ее, и в тарелку с глухим звуком упал слипшийся кусок гречневой каши. Вдруг я услышал фразу,

от которой волосы у меня на голове поднялись дыбом. Делая ударение на каждом слове, мама сказала: «Надо просить «запорожец». Я не поверил своим ушам. Этот инвалид с висящими по бокам щеками, развивающий скорость, равную скорости велосипеда, этот клоун с мотором в багажнике и глушителем, торчащим сзади, как фига, казался мне тем не менее сверхсуществом, маленьким космическим кораблем. Однажды у нас во дворе возник «запорожец», это отец какой-то девочки из дошкольной группы, исполненный благодарности, подвез педагога Анну Павловну домой. Я кругами ходил вокруг автомобиля. Девочка внутри стала прижиматься к стеклу, дышать на него и пальцем чертить нечто, напоминающее котенка, а я зачарованно глядел на шедевр советской автомобильной мысли. И что же – эта машина может стать членом нашей семьи?! Не выдержав напряжения, я убежал в детскую и стал смотреть в окно на редкие проезжающие мимо машины, в свете фонарей пытаюсь разглядеть заветную легковушку. Прошел год, может, и больше. И вот однажды вечером папа вошел в дверь и тяжело опустился на табурет с красным сиденьем. «Что случилось, Миля? – воскликнула мама. – Ну же, не молчи!»

– Сегодня было собрание, и все в один голос решили... – Эмиль запнулся. С зимней меховой шапки капля за каплей стекал и со стуком падал на линолеум тающий снег. – Решили, что мне неправильно иметь «запорожец». Повисла пауза. Яркосиние глаза мамы как будто потеряли свое сияние. Она

закрыла их и тут же открыла. Видно было, что папа силится сказать что-то еще, но не может. – Ну? Что? Говори, – низким голосом произнесла мама. – Сказали, вам, как главному режиссеру, нужен другой автомобиль. Выделили «жигули» первую модель. Брать нужно через неделю. Пять тысяч сто рублей», – как одно слово выдохнул всю фразу папа. «Запорожец» стоил 3500. Разница в цене составляла 1600 рублей. Это было ужасно.

– Вот тебе и «копейка», – неожиданно улыбнулась мама. И как всегда в критических ситуациях, все взяла в свои руки. В этот же вечер она упала в ноги подруг с кличем: «Спасайте, одолжите, кто сколько может». Папа, краснея и бледнея, обзвонил товарищей из актерской братии и рассказал, что решил сменить профессию режиссера на шофера: «И всего-то, Ммммчка, осталось купить машину. Но вот неприятность – денег нет. Так что одолжи, если можешь, обещаю вернуть с первых же водительских чаевых», – шутил он изо всех сил.

Тогда же из шкафа на лакированный стол в гостиной переместился, завернутый в мамину кофту, набор серебряных столовых приборов. На ложках и вилках изящным шрифтом с вензелями были выгравированы инициалы членов семьи, близкой и дальней родни. Первыми довольно решительно в ломбард отправились «дальние родственники», но вскоре после короткого подсчета за ними последовали и мы. В результате к концу недели недостающая сумма была собрана. В школьной тетради в линейку размашистым почерком мама

расписала, сколько кто дал и когда кому отдавать. Широким жестом она передала тетрадь папе. Он отложил газету, сдвинул брови и, наматывая прядь волос на указательный палец правой руки, начал читать. Через несколько минут идеально ровным почерком он вывел: «Написанному верить», поставил филигранную роспись и вернул тетрадь маме. Они выдохнули. Они улыбались.

У родителей был секретер, который долгие годы стоял в спальне. В нем было несколько маленьких полочек и большая панель, которая открывалась ключиком золотого цвета. При помощи встроенного механизма панель уезжала внутрь, тем самым превращая секретер в дамский столик. Там лежали мамины вещи, аксессуары, сережки, кольца. Но однажды знаменитый писатель Петр Проскурин чудеснейшим образом отхватил себе чешский спальный гарнитур, а старый, «почти как новый», по дружбе подарил любимому режиссеру Вернику. Из проскуринской квартиры гарнитур этот прямоком переехал в родительскую спальню. Тогда мамин секретер рванул в прихожую и вытеснил стоящий там комод для обуви на лестничную площадку. Тот уже назавтра канул в недрах чьей-то соседской квартиры, на что и был расчет, иначе пришлось бы таранить его на помойку. А в бывший мамин секретер перекочевала обувь.

Но всего этого могло не случиться. Ни перемещения мебели, доказывающего верность учения о круговороте вещей в природе, ни поездок всей семьей в Военторг на раскален-

ных от солнца «жигулях», ни игры в бадминтон в дюнах Паланги, ни смешных маминих историй, рассказывая которые, она сама хохотала взахлеб, не в силах довести повествование до конца. Не было бы столовых приборов с выгравированными инициалами: «АВ», «ЭВ», «ИВ», «ВВ». В Салтыковке летом не было бы папиного падения с лестницы со 2-го этажа, когда, с подносом, полным еды, спеша к жене и вечно голодным детям, он оступился и полетел вниз. Не было бы постановок Эмиля Верника в 19.00 по московскому времени, слушая которые, как в стоп-кадре, у радиоприемников замирали миллионы советских граждан. Не было бы воровства крыжовника из соседского сада, шумных дружеских застолий, маминого нежного «куля-муля-пуля». Ничего бы этого не было, если бы однажды, казалось бы, незначительная история в жизни молодых Анны и Эмиля, взяла бы да и разрешилась иначе. Дело обстояло так. Родители поженились и переехали из пятиметровой комнаты на Герцена в девятиметровую. Благополучно отправили Славу, маминого сына от первого брака, к бабушке в Новосибирск, но довольно скоро потребовали вернуть обратно. Он возвратился с вопросом: «А ты куГочку купила?» Дело в том, что мальчик пристрастился в гостях у бабушки Жени к белому куриному мясу, и все, что его волновало по возвращении в Москву, – не изменится ли рацион питания. Папа бросился на заработки, мама – «работать на трех работах». И вот однажды Эмиль влетел в комнату в состоянии величайшего возбуж-

дения: «Анечка, любовь моя, случилось чудо! Мне предложили работу в цыганском театре. Режиссером!»

Комната была девятиметровая. Минус кровать, пианино, два стула, шифоньер и застывшая от удивления мама – осталось метра четыре, и по этим вот четыремстам сантиметрам Эмиль стремительно перемещался взад и вперед, не замечая тесноты, словно уже был там, в бескрайней степи, вместе с коллективом своей мечты. «Родная моя, мне столько всего нужно тебе рассказать, – он схватился двумя руками за волосы, – но сейчас главное! Я еду в тур на два месяца! Гастроли начинаются завтра!» – пропел он последние слова на цыганский манер и бросил свое тело на стул. Почему-то Анечка, услышав эту чудесную новость, не только не пошла в пляс, разделяя восторг супруга, но даже, кажется, не очень обрадовалась. Голосом, ледяные ноты в котором он услышал впервые за их недолгую совместную жизнь, она сказала: «Миля, – и даже слово «Миля» прозвучало в ее устах сейчас не мелодично, – двух месяцев, конечно, недостаточно. Если уж ехать, то на год. А лучше на два. А там посмотришь, может, и вообще в степь переберешься, не здесь же ютиться. Давай я тебе вещи помогу собрать. Хотя, зачем тебе там вещи. Ну не в кальсонах же чечетку бить». В воспаленном мозгу Эмиля смуглые ромалэ, терзая струны гитар, еще пели надтреснутыми голосами: «Да ты со мной, и в степь и в зной...»; звеня серьгами и браслетами, еще выписывали восьмерки цветными юбками дерзкие цыганки. Однако

картинка эта стремительно начала чернеть. Эмиль зажмурил глаза, попытался стереть это наваждение и не смог. Ему совершенно расхотелось уезжать куда-то. Напротив, он захотел немедленно забыть адрес, по которому находился театр «Ромэн», дорогу, которая вела к нему и пять букв алфавита, из которых состояло название театра. Папа бросился к маме, уткнулся головой в ее колени и прошептал: «Анечка, ну что ты такое говоришь?! Никуда я не поеду. Никуда, слышишь, никуда». Он повторял это «никуда» до тех пор, пока мама не остановила его нежно и ласково: «Как скажешь, Милечка. Все будет так, как ты скажешь. Значит, забыли».

Видимо, все-таки не сумев окончательно стереть из памяти этот разговор, Эмиль вскоре покинул и труппу разъездного литературного театра, в котором служил после окончания ГИТИСа, и начал работать на радио. Сначала в редакции науки и техники, а потом и в литературно-драматической редакции. И вроде все сулило радость и покой, как вдруг в этой самой редакции случился переполох.

Пришла новость, что в СССР приехал Назым Хикмет. Сначала никто не мог понять, что означает это словосочетание. Потом разобрались, и выяснилось, что этот на первый взгляд случайный набор букв означает «писатель из дружественной страны». А потом сообщили, что режиссер Эмиль Верник должен записать с ним разговор в студии. Что Верник и сделал. Писатель оказался не только очень интересным, но и бесконечно благодарным человеком. Сразу после

записи он пригласил молодого режиссера в соседнюю забегаловку. Там между ними завязался увлекательнейший разговор о партизанской деятельности Хикмета, поскольку выяснилось ко всему прочему, что он еще и известный революционер. «Да что вы говорите! – восторженно ахал и охал папа. – Ой-ёй-ёй-ёй-ёй!»

Хикмета такое внимание удивляло и распяляло все больше. Так, на дружеской ноге, за круглым столиком на высокой ноге они уговорили бутылку «Столичной» 0,5, и закусили парой бутербродов с красной икрой. Партийная касса СССР не скупилась, и Хикмет пошел оплатить еще два бутерброда. И странным образом куда-то испарился. А Эмиль, несколько не огорчившись, решил, что непременно хочет в кинотеатр. Довольно скоро он действительно оказался в пустом кинозале на дневном сеансе какой-то польской комедии. То ли комедия была несмешной, то ли сказалось напряжение дня, но буквально на секундочку Эмиль прикрыл глаза, а открыл их, когда на улице уже была ночь. Вежливая женщина в синем халате со шваброй в руке трясла режиссера за рукав со словами: «Эй, тут вам не санаторий, чего разлегся?» Слово «вам» Эмиль отнес к себе, а «разлегся» к кому-то, кого поблизости не обнаружил. Он полулежал на сиденье, а его светло-серый плащ, застегнутый на все пуговицы, съехал вверх и больно давил на горло. Эмиль попытался расправить плащ, потянул вниз, наконец ему удалось справиться с удушьем, он встал. Его мутило. Страшно болела голова.

Когда в испачканном плаще и в испорченном настроении друг Хикмета появился на пороге квартиры, молодая жена поняла все. «Я жить с алкоголиком не буду. Ни минуты», – с этими словами Анна развернулась и удалилась по длинному коридору. Через короткий промежуток времени она вернулась с чемоданчиком, с которым Эмиль гастролировал по городам и весям. Из глаз папы брызнули слезы: «Прости, это со мной впервые... никогда больше... это все Назым, подлец, откуда он там...» По счастью, в этот вечер в гостях у Ани была подруга из Новосибирска, которая убедила ее простить впечатлительного поклонника творчества Хикмета. Назавтра благодарный Эмиль принес ей книгу стихов, подписанную автором. Дина книгу взяла, но читать не стала.

Вообще, мама умела сказать так, что всем сразу все становилось понятно. Как-то раз, когда мы с братом учились в 7-м классе, маму вызвали в школу к учителю по геометрии. Предполагая недоброе, она купила букет цветов и с самой светлой улыбкой вошла в класс. Анна Александровна тяжелым и холодным взглядом попыталась погасить мамину улыбку, но не сумела. «Вот, дорогая, возьмите, пожалуйста», – с чарующей интонацией в голосе почти пропела мама. В ответ учительница открыла рот: «Я не приму эти цветы. Ваши дети – позор. Игорь баламутит касс, все время крутится за партой, как штангенциркуль, не может запомнить ни одной формулы. Вадик – прилежный мальчик, стеснительный, я стараюсь не вызывать его к доске, но скоро экзамен

и он его не сдаст, потому что не в состоянии отличить одну фигуру от другой. – Она говорила непривычно эмоционально для себя и закашлялась. – Ладно, давайте ваши цветы», – протянула руку. «А вот теперь я не хочу дарить их вам», – без всякой улыбки и интонации сказала мама и вышла из класса. Почему в результате этого разговора мы с братом не остались в 7-м классе на второй год, до сих пор остается загадкой.

Лирические знакомства

* * *

В двадцать с лишним лет я был влюблен в прекрасную девушку. Она была пианисткой. Мама моя была пианисткой, и меня возбуждала эта женская рифма. Она, эта девушка, была хохотушка. У нее рояль стоял посередине комнаты, и когда бы я ни приходил к ней в гости, она или уже сидела, или тут же садилась за инструмент. Как будто я был профессором, который приходил на дом к своей ученице проверить, достаточно ли хорошо она затвердила урок. Я был парень с блеском в глазах и с фигой в штанах. Я смотрел на нее, она смотрела на меня и гладила и терзала клавиши.

Овладеть ею было невозможно, поскольку она все время была за роялем. Разве что вместе с роялем. Он вальяжно стоял на трех ногах, напоминая рубенсовскую женщину в складках, томящуюся от желания. И я томился и страдал от желания. Я готов был наброситься на нее, на нотную тетрадь, на чертов ящик с вздернутой крышкой, из-под которой скалили зубы скачущие клавиши. А в комнату то и дело заходила ее мама, предлагая котлеты и чай. За дверью тихо и тяжело дышал ее папа. Думаю, он ненавидел меня за то, что я появился

в их доме. Как всякий папа всякой дочери. Он любил свою дочь, она музыку и немножко меня. А я любил ее и мечту о девушке, похожей на маму.

Басини

Это маленькое письмо,
перехваченное тесьмой
легких слов, в коих 32 буквы,
опускаю рукой, а ногой
сам в конверт залезаю как будто.

Точно сложенный напополам,
так, что руки ложатся на ноги,
неподвижно лежу, пока к Вам
в сем письме не прибуду в итоге.

В тишине, меж исписанных строк,
отбывая полученный срок,
обозначенный волей почтамта,
я, уткнувшийся носом в носок,
от безумия на волосок,
жду (и здесь не без штампа), жду штампа.

Вот и он. Ах, пришелся на лоб.
Вспоминается сразу на... Стоп,
не хочу ничего вспоминать я.
Я хочу лишь конверт этот чтоб
в рук твоих опустился объятья.

Час проходит. Меж тем почтальон
допивает остывший бульон,
сумку взваливает на плечи,
и идет, и несет меня он.
Сердце бьется шагам в унисон,
и все ближе желанная встреча.

Наконец-то, знакомый подъезд.
Кое-как все же в ящик пролез
и лежу, отдыхаю всем телом.
Маюсь: «звёзд» написать или «звезд»?
Впрочем, это *apres*¹, между делом.

Тс-с, доносятся чьи-то шаги.
Неужели она? Каблуки,
степ танцуя, проносятся мимо.
Сердце, пав в направленьи ноги,
поднимается вверх, скорчив мину.

Вновь лежу, излучая печаль,
как печален под утро рояль,
стосковавшийся за ночь по звукам.
О, какая бездонная даль
открывается в этой разлуке!

Но, о чудо, в железный замок
ключ вставляется: внутрь, поперек,

---

¹ После.

открывается дверца и пальцы
(о, как долго я ждал этих строк)
на конверта ложатся рояльце.

Вы слегка надорвете конверт,
любопытством томим, тронет ветер
столь заждавшееся вас посланье
и прочтет в первой строчке: «Привет»,
а в последней прочтет: «До свиданья».
Этот ветер, безусловно, эстет
и чужих не читает посланий.

Прошло много лет. Прошло много встреч. И вот однажды я встретил девушку, которая не играла на фортепиано и не любила классическую музыку. Ее родители жили далеко за пределами Москвы, а я был уже возраста родителей той моей пианистки, из юности. У нас начался роман. Два года она терзала меня любовью, ревностью, обидами, а я слушал ее и слышал Бетховена. Смотрел на нее влюбленными глазами и видел нотную тетрадь, в которой возвышались и множились нотные знаки, слагая мелодию нашей любви. За два дня до свадьбы она устроила очередной скандал-симфонию в сопровождении битья посуды и некоторых предметов мебели, и я вдруг отчетливо понял, что это не моя музыка, не та, с которой хочу засыпать и просыпаться...

Впрочем, это другая история и другое стихотворение.

У меня раздражение в голосе.
У тебя роковые сны.
За пределы сердечной области
на предельно возможной скорости
мчимся мы.

Наши шансы равны в количестве
один к десяти.
У меня раздвоение личности,
все, что было, хочу я вычесть и
прибавить нули.

Были с Вадиком сегодня в гостях у Басинии в квартире на 15-м этаже с видом на пол-Москвы и с роялем в центре гостиной. Она замужем, счастлива. Мы дружим много лет. Поужинали. Кто-то что-то сыграл. Кто-то спел. Я прочитал стихотворение, которое случилось у меня по случаю неслучившегося романа.

Один друг Баси, не знаю его имени, говорит мне: «Да нет, это все херня какая-то». Я удивился, так откровенно в лицо меня еще не критиковали. Я: «Не понял». Он: «Вот ты заказываешь там салат в ресторане...» Я: «Да. И что?» Он: «Где ты видел, чтобы салат из крабов стоил 800 рублей?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.